

18+

Малия Цейлонская

ТАМ, ГДЕ ДЫШИТ
ВУЛКАН

Амалия Цейлонская

Там, где дышит вулкан

«Издательские решения»

Цейлонская А.

Там, где дышит вулкан / А. Цейлонская — «Издательские решения»,

Он появился из кипящего источника — крупный синий дракон. Цетра, отшельница-травница, не испугалась. Она украла его чешую — и потребовала плату за консультацию. Так началась самая невозможная сделка в истории: она чешет ему спину палкой, он притворяется, что не мурлычет. Она называет его Булочкой, он грозит ее испепелить. А когда собирается армия охотников за драконьей магией, им придется решить: что важнее — тысячетные тайны или чувство, которое вспыхнуло между ними, как пламя над вулканом?

© Цейлонская А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Земля, которая жжется	6
Глава 2. Условия сделки	12
Глава 3. О цветах и драконах	21
Глава 4. Легенды и правда	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Там, где дышит вулкан

Амалия Цейлонская

© Амалия Цейлонская, 2026

ISBN 978-5-0071-0579-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Земля, которая жжется

Цетра проснулась оттого, что земля вздохнула.

Это был не звук даже — скорее вибрация, прошедшая через деревянный настил хижины, через соломенный тюфяк, через всё её тело, и затихшая где-то в кончиках пальцев. Гейзеры за стеной отозвались дружным шипением, будто стая рассерженных гусей.

Она открыла глаза и уставилась в потолок.

Три доски. Сучок на средней, похожий на глаз. Паутина в углу, которую она обещала убрать еще в прошлый вторник. Семь лет она живет в этой хижине, и каждое утро начинается с этого потолка. Он не меняется. И это, пожалуй, единственное, что её устраивает.

Земля вздохнула снова — на этот раз слабее, будто успокаиваясь. Цетра села, спустила босые ноги на прохладный пол и поежилась.

— Ну и чего тебе не спится? — пробормотала она, обращаясь не то к вулкану, не то к самой себе.

Ответа не последовало. Только гейзер за окном снова зашипел, выбросив струю пара, и в щели между ставнями просочился серный запах. Цетра вдохнула его, как городской житель вдыхает запах свежей выпечки из пекарни. Привычка. За семь лет сера стала для неё родным ароматом.

Она натянула шерстяные чулки — утро в долине всегда холодное, несмотря на горячую землю, — и подошла к окну. Отодвинула ставень.

Долина Гейзеров просыпалась.

Белые столбы пара поднимались то тут, то там, подсвеченные первыми, еще робкими лучами солнца. Земля в этих местах была разноцветной: охристой у старых грифонов, ржаво-красной у выходов железной руды, серой у кратеров, которые плевались грязью. И только у подножия вулкана, чей силуэт темнел на севере, как спина спящего великана, земля была черной. Жирной, теплой, пахнувшей пеплом.

Там росло Аметистовое Пламя.

Цетра перевела взгляд на теплицу, пристроенную к восточной стене хижины. Сквозь мутные пластины слюды, вставленные в деревянную раму, пробивался слабый фиолетовый свет. Она улыбнулась — впервые за утро.

— Живые, — сказала она тихо. — Все живы.

Это был её ритуал. Каждое утро она проверяла теплицу, прежде чем сделать хоть что-то еще. Потому что если цветы погибнут — единственное, что держало её в этой долине, единственное, ради чего она потратила семь лет жизни, — то и ей незачем будет оставаться здесь. А идти больше некуда.

Она вышла наружу, когда солнце уже позолотило вершину вулкана.

Воздух был колючим от утренней прохлады и влажным от пара. Цетра накинула на плечи старый шерстяной плащ — тот самый, в котором ушла из деревни семь лет назад, — и взяла корзину. Сегодня нужно было проверить дальний источник, Старый Котел. От него до теплицы она проложила глиняный желоб, по которому вода поступала к цветам, и последние дни напор ослабел. Возможно, желоб забило пеплом или грязью.

Она двинулась по тропе, которую протоптала сама — узкой, петляющей между горячими лужами и трещинами, из которых вырывался пар. Тело помнило дорогу лучше, чем глаза. Шаг влево от плоского камня — там тонкая корка, под ней кипяток. Шаг вправо, в обход замшелого валуна — там грязевая яма, в которой она однажды увязла по колено и потом неделю лечила ожоги. Семь лет — достаточный срок, чтобы выучить каждый опасный дюйм этой земли.

И все же сегодня что-то было иначе.

Цетра почувствовала это еще на полпути. Тишина. Обычно долина гудела: гейзеры пере-свистывались, грязь булькала, камни потрескивали от перепадов температуры. Но сейчас всё затихло. Даже пар поднимался как-то неуверенно, будто земля затаила дыхание.

— Что за ерунда, — прошептала Цетра и ускорила шаг.

Старый Котел показался из-за поворота — и она остановилась как вкопанная.

Источник изменился.

Она знала его семь лет. Он всегда был мутным, серо-зеленым, с жирной пленкой на поверхности и запахом тухлых яиц. Вода в нем никогда не опускалась ниже каменного кольца, даже в самую сильную засуху. Местные старики говорили, что Старый Котел соединен с самим сердцем вулкана и что в нем живет дух горы.

Сейчас вода ушла почти на полметра, обнажив пористый туфовый край. И на этом краю что-то лежало.

Цетра прищурилась, сделала шаг ближе.

Чешуя.

Крупные пластины, с её ладонь размером, лежали внахлест, как рыба чешуя, только каждая была толщиной в палец и отливала глубоким, почти черным синим цветом. Индиго. По краям каждой пластины шла тонкая светящаяся кайма — сапфировая или, может, аметистовая, трудно было разобрать в утреннем свете.

Цетра присела на корточки и протянула руку. Пальцы коснулись ближайшей пластины.

Теплая. Не горячая, как всё вокруг, а именно теплая — как живое тело. И она легко отошла от камня, будто никто её и не держал.

Цетра повертела чешуйку в руках. Легкая. Прочная. По краю — идеально ровный срез, словно её не сорвали, а она сама отделилась.

— Драконья, — прошептала она.

В деревне, откуда она ушла, о драконах ходили легенды. Говорили, что когда-то они жили в этих горах, что их чешуя была прочнее стали, а дыхание плавало камень. Говорили, что они ушли на север, в Ледяные Пики, и больше не возвращаются. Говорили, что встреча с драконом — к смерти или к великой судьбе, третьего не дано.

Цетра в эти сказки не верила. Она верила в то, что можно потрогать руками. И сейчас она трогала драконью чешую.

— Если ты отпала, — сказала она вслух, обращаясь к пластине, — значит, ты ничья. А если ты ничья — ты моя.

Она положила первую чешуйку в корзину. Потом вторую, с глубокой бороздой посередине — следом от когтя. Третью, самую крупную, почти с две ладони, с красивым синим отливом, который переливался на солнце, как аметистовая друза.

Корзина наполнилась быстро. Цетра уже предвкушала, как выложит этими пластинами дно теплицы. Чешуя дракона — идеальный материал. Не гниет. Держит тепло. Пропускает ровно столько влаги, сколько нужно корням. Аметистовое Пламя будет расти в ней, как ни в чем другом.

Она потянулась за очередной чешуйкой — и замерла.

Вода в источнике пошла пузырями.

Сначала мелкими, как от дождя. Потом крупными, с глухим бульканьем, будто на дне просыпался голодный зверь. Поверхность задрожала, пошла рябью, и отражение Цетры — худая женщина в старом плаще, с растрепанными волосами и корзиной в руках — разбилось на тысячу осколков.

А потом вода взорвалась.

Цетра отшатнулась, упала на спину, больно ударившись локтем о камень. Корзина вылетела из рук, чешуя рассыпалась по земле. А над источником поднялась голова.

Огромная. Вытянутая. Покрытая чешуей того же цвета индиго, только живой, переливающейся в лучах солнца, будто внутри каждой пластины влили жидкое серебро. Гребень начинался от переносицы и уходил куда-то под воду, к невидимому телу, которое угадывалось в темной глубине.

Два глаза — золотисто-зеленые, с вертикальными зрачками, которые то сужались в щелки, то расширялись, привыкая к свету, — уставились прямо на Цетру.

Дракон открыл пасть.

Цетра зажмурилась, ожидая огня. Или рыка. Или удара хвостом.

Вместо этого раздался звук — низкий, скрежещущий, похожий на кашель кузнеца, который простудился и не может откашляться.

— Ты... — голос был хриплым, будто им не пользовались лет сто. — Ты что делаешь?

Цетра открыла глаза. Дракон все еще смотрел на неё. Чешуя на его морде подрагивала, по ней стекала вода, оставляя мокрые дорожки. Он выглядел... не величественно. Он выглядел помято. И уставше. И, кажется, слегка оскорбленно.

Цетра перевела взгляд на рассыпанную чешую, потом снова на дракона.

— Собираю чешую, — сказала она. Голос прозвучал спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Она уже отпала.

Дракон моргнул. Медленно, как сова.

— Это моя чешуя.

— Отмершая.

— Это неважно. Она моя. Она была на мне.

— А теперь она на земле. — Цетра медленно, стараясь не делать резких движений, села и начала собирать рассыпанные пластины обратно в корзину. — Ты её всё равно выбросишь.

Дракон смотрел на неё. В его глазах читалось сложное выражение — смесь возмущения, недоверия и чего-то еще, чему Цетра не могла подобрать названия.

— Ты не боишься, — сказал он наконец. Это был не вопрос.

— Боюсь, — честно ответила Цетра, складывая последнюю чешуйку в корзину. — Очень. У меня коленки дрожат. Но чешуя мне нужна для теплицы. А ты, судя по голосу, не собираешься меня есть.

Дракон фыркнул. Из ноздрей вырвались струйки пара — не огня, просто горячего воздуха.

— Есть тебя? — он, кажется, даже оскорбился. — Ты пахнешь серой и полыньёю. Я такое не ем.

— Тогда мы договорились. — Цетра поднялась, отряхнула плащ и повесила корзину на локоть. — Меня зовут Цетра Аметист. Я живу вон там, за гребнем. Если тебе понадобится помощь — с линькой или с чем-то еще — ты знаешь, где меня найти. А чешую я заберу. В качестве платы за консультацию.

Она развернулась и пошла по тропе обратно. Спина горела — она кожей чувствовала взгляд дракона, и каждый шаг давался с усилием, потому что ноги действительно дрожали и

хотелось бежать, бежать без оглядки. Но она не побежала. Она давно усвоила простую истину: никогда не показывай зверю, что ты добыча. Даже если этот зверь — дракон.

За спиной раздался плеск — дракон опустился обратно в воду.

А потом его голос, низкий и рокочущий, догнал её у самого поворота:

— Меня зовут Кербер Цезий. И я еще не решил, можно ли тебе доверять, Цетра Аметист.

Она не обернулась. Только улыбнулась краешком губ.

— А я и не просила доверия, Кербер Цезий. Я просила чешую.

И скрылась за гребнем.

До хижины она добралась только к полудню.

Ноги не держали. Она опустилась на порог, поставила корзину рядом и выдохнула — длинно, прерывисто, со всхлипом. Только сейчас до неё дошло, что она только что разговаривала с драконом. С живым, настоящим, огромным драконом, который мог бы испепелить её одним вздохом.

И она сказала ему, что забирает его чешую в качестве платы за консультацию.

— Ты ненормальная, — прошептала она самой себе. — Ты абсолютно, полностью ненормальная.

В теплице Аметистовое Пламя тянуло к свету свои фиолетовые лепестки. Цветы светились мягко, успокаивающе, и их свет немного унял дрожь в её руках.

Она разложила добытую чешую на столе. Семь крупных пластин и около дюжины помельче. Красивые. Теплые. И каждая, если верить тому, что говорили о драконьей чешуе в легендах, хранит одно воспоминание своего владельца.

Цетра взяла самую крупную, с аметистовым отливом, и поднесла к свету. Внутри, глубоко под поверхностью, что-то мерцало — не свет, а скорее тень света, отблеск чего-то давно забытого.

— Какое воспоминание ты хранишь? — прошептала она.

Чешуя потеплела в её ладони. На мгновение ей показалось, что она слышит далекий рокот — не грозы, не вулкана, а чего-то живого, могучего, бесконечно одинокого.

Она вздрогнула и положила чешую обратно на стол.

В этот момент земля вздохнула снова. Но теперь Цетра знала — это не вулкан. Это дыхание дракона, спящего в горячем источнике у подножия горы.

Кербер Цезий.

Она не знала, зачем он пришел в её долину. Не знала, надолго ли останется. Не знала, можно ли ему доверять.

Но одно она знала точно: завтра утром она снова пойдет к Старому Котлу.

Потому что чешуи нужно больше. А может — потому что ей хотелось еще раз услышать этот хриплый, усталый голос, который, кажется, не разговаривал ни с кем живым уже очень, очень давно.

Цетра легла спать, когда стемнело.

Сквозь щели в ставнях пробивался фиолетовый свет из теплицы — Аметистовое Пламя светилось по ночам, тихо и ровно, как уголек, который никогда не гаснет. Она смотрела на этот свет и думала о драконе. О его глазах — золотисто-зеленых, уставших. О его чешуе — синей, как индиго, с аметистовым отливом. О его голосе — хриплом, но странно... теплом.

Семь лет она прожила в этой долине одна. Семь лет разговаривала только с цветами, с камнями, с самой собой. Она привыкла к одиночеству. Она убедила себя, что ей никто не нужен.

Но сегодня что-то изменилось.

Сегодня в её мире появился кто-то еще.

Перед тем как провалиться в сон, она прошептала в темноту:

— Кербер Цезий. Интересно, что тебе снится в твоём горячем источнике?

И вулкан за стеной вздохнул снова — будто отвечая.

Глава 2. Условия сделки

На следующее утро Цетра проснулась с мыслью о драконе.

Это было странно. Обычно её первая мысль принадлежала цветам: достаточно ли воды, не пробило ли где крышу теплицы, не объели ли корни какие-нибудь подземные твари. А сегодня — дракон. Его хриплый голос. Его глаза — золотисто-зеленые, уставшие. Его чешуя цвета индиго.

Она села на кровати и помотала головой, будто пытаясь вытряхнуть эти мысли.

— Хватит, — сказала она вслух. — Ты пошла вчера за чешуей. Ты получила чешую. Сделка закрыта.

Но руки уже натягивали чулки, а ноги несли к двери. Она выглянула наружу. Долина дышала паром, как обычно. Гейзеры пересвистывались. Вулкан на севере кутался в облака. Всё было как всегда.

И всё же — что-то изменилось.

Цетра вздохнула, накинула плащ и вышла. Сегодня она не взяла корзину. Только лейку. И маленький горшочек с мазью из синь-корня, которую приготовила прошлой осенью. На всякий случай.

— Для цветов, — сказала она себе. — Вдруг корни подгнили.

Но цветы были в теплице, а тропа вела к Старому Котлу.

Он лежал в воде, опустив голову на каменный край, и спал.

Или делал вид, что спит. Чешуя на загривке подрагивала в такт дыханию, из ноздрей вырывались тонкие струйки пара. В утреннем свете он казался меньше, чем вчера, — или просто Цетра успела привыкнуть к мысли, что в её долине поселился дракон.

Она остановилась в десяти шагах и кашлянула.

— Доброе утро.

Один глаз приоткрылся — золотисто-зеленая щелка.

— Ты пришла, — голос звучал глуше, чем вчера, будто он простудился.

— Я здесь живу. Это ты пришел.

— Я здесь лежу. Это большая разница.

Цетра сделала шаг ближе. Еще один. Драконе не двигался, только глаз следил за ней, не мигая.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она.

— Спасибо. Ты тоже не фонтан.

Цетра фыркнула — неожиданно для самой себя. Дракон с сарказмом. Этого она не ожидала.

— Я серьезно. Твоя чешуя... она тусклая. И ты хрипишь.

Кербер Цезий приоткрыл второй глаз. Теперь оба смотрели на неё с выражением, которое она не могла расшифровать.

— Линька, — сказал он. — Я же говорил. Раз в десять лет. Это не болезнь, это процесс.

— Процесс, который делает тебя слабым и уязвимым.

Он промолчал. И это молчание сказало больше, чем слова.

Цетра подошла еще ближе — теперь она стояла в трех шагах от его морды. Огромной, покрытой чешуей, с гребнем, который вблизи казался еще более впечатляющим. Она могла разглядеть каждую трещинку на старых пластинах, каждое место, где новая чешуя уже пробивалась снизу, приподнимая отмерший слой.

— Тебе больно, — сказала она. Это был не вопрос.

— Терпимо.

— Врешь.

Дракон прищурился.

— А ты наглая.

— А ты огромный и мог бы меня съесть. Но мы уже выяснили, что я невкусная. Так что давай без угроз.

Он фыркнул — на этот раз с явной примесью пара, и Цетра почувствовала, как воздух вокруг стал теплее.

— Зачем ты пришла? — спросил он. — Чешую я тебе вчера отдал. Или ты хочешь еще?

— Хочу, — честно сказала Цетра. — Но не поэтому.

Она достала из-за пояса горшочек с мазью.

— Это синь-корень. Растет на дальнем краю долины, у грязевых ям. Он вытягивает воспаление, смягчает кожу, помогает заживлению. Я использую его для ожогов и ран. Думаю, для твоей чешуи тоже сгодится.

Кербер уставился на горшочек так, будто она протянула ему живую змею.

— Ты хочешь намазать меня... травой?

— Мазью. Да. Там, где старая чешуя треснула и воспалилась. Я вчера заметила, у тебя на шее, слева, краснота. И на загривке тоже.

Дракон медленно поднял голову. Движение было тяжелым, будто каждое усилие давалось с трудом. Он навис над Цетрой — огромный, темный, с глазами, в которых отражалось небо.

— Ты хочешь прикоснуться ко мне, — произнес он медленно. — К моей чешуе. К моему телу.

— Я хочу помочь.

— Зачем?

Цетра вздохнула. Она ожидала этого вопроса. И все еще не знала, как на него ответить.

— Потому что... — она замолчала, подбирая слова. — Потому что я знаю, каково это — быть одному. Когда что-то болит, а рядом никого. Когда ты варишься в собственном соку и думаешь, что справишься сам, а на самом деле — просто тонешь.

Кербер молчал. Его зрачки расширились, потом сузились. Чешуя на морде едва заметно подрагивала.

— Ты говоришь так, будто знаешь, о чем речь, — сказал он наконец.

— Знаю. Семь лет в этой долине. Одна. Семь лет я разговаривала только с цветами. И когда я болела, когда у меня был жар и я не могла встать с постели, никто не принес мне воды. Никто не проверил, жива ли я. Я справилась сама. Но это не значит, что так должно быть.

Она замолчала. Тишина висела между ними, тяжелая и плотная, как пар над гейзерами.

Кербер опустил голову обратно на каменный край.

— Синь-корень, говоришь, — пробормотал он.

— Да.

— И это поможет?

— Хуже не будет.

Он долго смотрел на неё. Потом вздохнул — глубоко, с присвистом, и струйка пара вырвалась из его ноздрей.

— Хорошо. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Ты не просто мажешь меня своей травой. Ты приходишь каждый день. Пока линька не закончится. Я не могу дотянуться до загривка, и он чешется так, что хочется содрать всю шкуру.

Цетра приподняла бровь.

— Так что? Сделка? Ты помогаешь мне с линькой. Я отдаю тебе всю чешую, которая отпадет. И не пытаюсь тебя съесть.

— Ты уже говорил, что я невкусная.

— Вкусы меняются.

Цетра усмехнулась.

— Договорились. Но у меня тоже есть условие.

— Какое?

— Ты рассказываешь мне о драконах. О том, какие вы на самом деле. Не легенды, не сказки, которыми пугают детей в деревнях. Правду. Я прожила рядом с вулканом семь лет и ни разу не видела дракона. Теперь, когда ты здесь, я хочу знать.

Кербер прищурился.

— Зачем тебе это?

— Затем, что я любопытная. И затем, что если ты будешь жить в моей долине, я хочу понимать, с кем имею дело.

— Я не говорил, что буду жить здесь.

— А куда ты денешься? — Цетра обвела рукой долину. — Летать ты не можешь, крылья сейчас слабые. Идти пешком через горы — самоубийство. Ты застрял здесь, Кербер Цезий, как и я. Так что давай хотя бы попробуем сделать это пребывание взаимовыгодным.

Он долго смотрел на неё. В его глазах мелькало что-то — не гнев, не раздражение, а скорее удивление. Будто он никак не мог решить, восхищаться её наглостью или испепелить её на месте.

— Ты странная, Цетра Аметист, — сказал он наконец.

— Я знаю. Так мы договорились?

Он вздохнул.

— Договорились. Начинай свою травяную пытку.

Цетра работала молча.

Она размяла мазь в пальцах — синь-корень пах терпко, горьковато, с примесью торфяного дыма, — и начала наносить на воспаленные участки. Там, где старая чешуя потрескалась, открывая нежную, еще не затвердевшую кожу под ней. Дракон вздрагивал при каждом прикосновении, но молчал. Только чешуя на боках подрагивала, и гребень то поднимался, то опускался, выдавая напряжение.

— Расслабься, — сказала Цетра. — Хуже будет, если ты будешь дергаться.

— Легко сказать, — процедил Кербер. — Ты когда-нибудь позволяла незнакомому существу ковыряться в своей шкуре?

— Нет. Но я позволяла себе вправлять вывихнутую лодыжку в одиночестве. Это, поверь, не веселее.

Он промолчал. Цетра продолжала работу — медленно, аккуратно, стараясь не задеть чувствительные места. Она двигалась от шеи к загривку, туда, где чешуя лежала особенно плотно и где воспаление было сильнее всего.

— Ты обещал рассказывать, — напомнила она.

— Что ты хочешь знать?

— Всё. Почему ты здесь. Почему один. Почему твоя чешуя цвета индиго, а не золотая или красная, как в сказках.

Кербер издал звук, похожий на смешок.

— В сказках врут. Драконы бывают разных цветов. Индиго — цвет моего клана. Цезий. Мы жили в этих горах тысячи лет, еще до того, как люди пришли сюда.

— Жили? А сейчас?

Он замолчал. Цетра почувствовала, как напряглись мышцы под её пальцами.

— Сейчас нас мало. Очень мало. Мой клан ушел на север, в Ледяные Пики, когда вулкан проснулся в последний раз. Это было... давно. Я остался.

— Почему?

— Потому что кто-то должен был присматривать за горой. Вулкан — это не просто гора. Это живое существо. Он дышит, спит, видит сны. И иногда его сны становятся кошмарами. Если за ним не присматривать, он может проснуться и уничтожить всё вокруг.

Цетра перестала втирать мазь и посмотрела на дракона.

— Ты сторож, — сказала она медленно. — Ты стережешь вулкан.

— Я Хранитель, — поправил он. — Так это называется у нас. Каждую тысячу лет один дракон остается, чтобы слушать дыхание горы. В этот раз остался я.

— Поэтому ты один.

— Да.

Цетра вернулась к работе. Теперь её движения стали мягче, осторожнее. Она думала о том, что семь лет одиночества — это ничто по сравнению с тысячей лет.

— А линька? — спросила она. — Почему ты проходишь её здесь, а не на севере, с кланом?

Кербер вздохнул.

— Потому что линька — это уязвимость. Дракон, сбрасывающий чешую, не может летать, не может драться, не может защитить себя. Если бы я пошел на север, я бы не добрался. Слишком далеко, слишком опасно. Здесь, в долине, меня никто не найдет. По крайней мере, я так думал.

Он покосился на неё.

— Пока не появилась ты.

Цетра усмехнулась.

— Не бойся. Я не охотник на драконов. Я всего лишь травница с теплицей.

— Травница, которая не побоялась украсть чешую у спящего дракона.

— Она уже отпала! И я не крала, я собирала. Это разные вещи.

Он снова издал тот же звук — нечто среднее между смехом и ворчанием. И Цетра вдруг поняла, что ей нравится этот звук. Он был... живым. Настоящим. Не таким, как тишина, к которой она привыкла.

Работа заняла почти час.

Когда Цетра закончила, её руки пахли синь-корнем и драконьей чешуей — странное сочетание, горьковатое и теплое одновременно. Она отошла на шаг и оценила результат. Воспаленные участки блестели от мази, но уже не выглядели такими раздраженными. Кербер осторожно повернул голову, проверяя, как двигается шея.

— Лучше, — признал он нехотя. — Намного лучше.

— Я же говорила. Синь-корень творит чудеса.

— Творит чудеса, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Странное выражение.

— Человеческое. Привыкай.

Кербер выдыхает облачко пара и долго смотрит в глаза Цетре, как будто не решается на что-то.

— Что?

Кербер мнется и наконец не выдерживает:

— И еще кое-что, — голос его прозвучал почти... смущенно? — Там, между лопаток. Я не могу дотянуться. Уже вторую неделю чешется так, что хочется тереться о скалы. Но скалы — это унижительно. Я Хранитель, в конце концов.

Цетра огляделась. На берегу валялась длинная коряга, отшлифованная водой и временем.

— Я могу попробовать вот этим, — она подняла палку, прикинула вес. — Если ты не против.

Кербер посмотрел на корягу с глубоким скепсисом.

— Ты предлагаешь чесать меня палкой? Как... как какую-то корову?

— Ты предпочитаешь скалы?

Долгая пауза.

— Палка лучше, — признал он нехотя. — Но если ты кому-нибудь расскажешь...

— Кому? — Цетра обвела рукой пустую долину. — Гейзерам? Я обязательно расскажу гейзерам, как великий дракон чесался о корягу.

— У тебя отвратительный характер.

— У тебя отвратительная чешуя в труднодоступных местах. Мы оба не идеальны. Давай уже свою спину.

Она подошла к нему сзади и начала осторожно водить палкой между лопаток, туда, где чешуя лежала особенно плотно. Дракон замер на мгновение, а потом...

— О-о-о-ох, — вырвалось у него. — Да. Вот здесь. Чуть левее. ЛЕВЕЕ, я сказал! Ты что, право и лево не различаешь?

— Я тебя сейчас этой палкой стукну, — пообещала Цетра. — Будешь знать, как командовать.

— Ты не посмеешь.

— Проверь.

Она нажала чуть сильнее, и дракон издал звук, который можно было описать только как «стон облегчения». Чешуя на загривке встала дыбом от удовольствия.

— Еще, — выдохнул он. — Еще немного.

— Знаешь, — задумчиво произнесла Цетра, продолжая орудовать палкой, — если бы кто-то сказал мне неделю назад, что я буду чесать дракона корягой, пока он стонет от наслаждения...

— Я НЕ стону.

— Конечно. Ты величественно издаешь звуки.

— Именно. Я величественно... а-а-ах... издаю звуки. Чуть выше. Да. Идеально.

Цетра работала палкой еще минут десять, пока руки не заныли. Когда она закончила, Кербер выглядел до неприличия довольным — глаза полужакрыты, чешуя блестит, из ноздрей идет ровный пар.

— Я передумал, — сказал он. — Ты можешь приходить не только ради мази.

— Буду брать плату чешуей. Крупной.

— Ты и так забираешь ВСЮ мою чешую!

— Значит, будешь должен.

Она собрала горшочек и уже повернулась, чтобы уйти, когда он окликнул её.

— Цетра.

— Да?

— Спасибо.

Слово прозвучало так, будто он не произносил его уже очень давно. Может быть, столетия. Может быть, никогда.

Она кивнула, не оборачиваясь.

— Завтра приду снова. Готовь шею.

И ушла по тропе, чувствуя, как его взгляд упирается ей в спину — тяжелый, но уже не враждебный.

Вечером, сидя на пороге хижины и глядя, как солнце садится за вулкан, Цетра думала о том, что рассказал Кербер.

Хранитель. Тысячу лет один. Слушает дыхание горы.

Она посмотрела на свою теплицу, где в слюдяных рамах мягко светилося Аметистовое Пламя. Семь лет она растила эти цветы. Семь лет одиночества, которые казались ей вечностью.

А он — тысячу лет.

— Ты, наверное, совсем забыл, как это — когда кто-то рядом, — прошептала она в темноту.

Вулкан за спиной вздохнул, и в этом вздохе ей послышалось что-то похожее на ответ.

Ночью ей приснился странный сон.

Она летела. Высоко над горами, над облаками, над миром, который казался крошечным и неважным. Ветер свистел в ушах, чешуя на боках переливалась синим и серебряным, а внизу, далеко-далеко, дышала вулканом земля.

И рядом с ней, крыло к крылу, летел кто-то еще. Она не видела его, но чувствовала — большое, теплое, живое присутствие. И от этого чувства в груди разливалось спокойствие, какого она не испытывала никогда в жизни.

Она проснулась на рассвете с бьющимся сердцем и мокрыми от слез щеками.

Сон был чужим. Она знала это так же точно, как знала, что Аметистовое Пламя цветет только на пепле.

Это был сон дракона.

Кербера Цезия.

И в этом сне он был не один.

Глава 3. О цветах и драконах

Цетра не ожидала, что он придет.

В конце концов, драконы — существа гордые. И ленивые. И, судя по тому, как Кербер вчера растекся в своем источнике после чесания палкой, еще и катастрофически не любящие двигаться без крайней необходимости. Она полагала, что у нее есть хотя бы пара дней передышки, прежде чем он снова потребует внимания.

Она ошибалась.

Солнце едва поднялось над гребнем, а Цетра уже возилась в теплице — пересаживала молодые ростки Аметистового Пламени в горшки побольше. Земля была теплой, почти горячей (она специально смешивала ее с пеплом из дальнего кратера), и пальцы приятно покалывало. Работа шла споро, мысли текли мирно, и впервые за семь лет она чувствовала, что день начинается... правильно.

А потом свет померк.

Не резко, не страшно — просто тень накрыла теплицу, будто кто-то задернул штору. Цетра подняла голову и увидела сквозь слюдяные пластины огромный золотисто-зеленый глаз, прижатый к крыше.

Она взвизгнула — не гордо, не сдержанно, а самым позорным образом, как мышь, на которую наступили. Горшок вылетел из рук, земля рассыпалась по полу.

Снаружи раздался низкий, рокочущий смех.

— Я тебя напугал? — голос Кербера звучал до отвращения довольноно.

Цетра вылетела из теплицы, отряхивая с передника землю и кипя от злости.

— Ты! — она ткнула пальцем в драконью морду, которая возвышалась над ней на высоте добрых трех метров. — Ты что творишь?!

— Наблюдаю. — Кербер моргнул — медленно, как сова. — Ты забавно копаешься в грязи. Как жук-навозник.

— Я пересаживала цветы! И я не жук!

— Конечно, не жук. У жуков нет такого пронзительного визга.

Цетра открыла рот, закрыла, снова открыла. Кербер смотрел на нее с выражением глубокого, почти философского удовлетворения — так кот смотрит на мышь, которую уже поймал, но еще не решил, что с ней делать.

— Ты проломишь мне крышу, — наконец выдавила она. — И я выставлю тебе счет. В чешуе. Крупной.

— Твоя крыша — это хворост и слюда, — он презрительно фыркнул, и струйка пара из его ноздрей затуманила ближайшую пластину. — Она не выдержит даже чиха. Если бы я хотел ее проломить, я бы уже это сделал.

— Успокоил.

— Я старался.

Цетра обошла его — и только тут заметила влажный след, тянувшийся от источника через всю площадку перед хижиной. Широкий, блестящий на утреннем солнце, он заканчивался прямо у ее порога, где дракон устроился с видом хозяина, зашедшего проверить нерадивых арендаторов. Его чешуя блестела от воды, и от него пахло серой, горячим камнем и чем-то еще — чем-то, что Цетра не могла определить, но что напоминало грозу.

— Ты приполз, — сказала она. — От самого источника.

— Я решил прогуляться.

— Ты сказал, что линька делает тебя слабым.

— Прогулка не требует сил. Это просто... передвижение.

— Ты прополз полдолины. Это не прогулка, это маленькое путешествие.

Кербер посмотрел на нее так, будто она сморозила глупость.

— Ты вчера сказала «завтра приду снова». Ты не пришла. Я ждал.

Цетра замерла. Она действительно собиралась пойти к источнику — но позже, после пересадки, когда солнце поднимется выше. Ей и в голову не пришло, что дракон может ждать. Что дракон вообще умеет ждать.

— Я собиралась, — сказала она, скрестив руки на груди. — Позже. У меня были дела.

— Дела, — повторил он. — Важнее меня.

— Важнее тебя — мои цветы. Это они, кстати, производят тот свет, который тебя беспокоит. — Она кивнула на теплицу. — Так что если ты закончил изображать подзорную трубу на моей крыше, я могу показать тебе, что это такое.

Кербер помолчал, явно обдумывая — то ли продолжить перепалку, то ли все-таки удовлетворить любопытство. Любопытство победило.

— Показывай, — сказал он.

Цетра отворила дверь теплицы и жестом пригласила его войти. Кербер посмотрел на дверной проем — который был ему примерно по колено, — и перевел взгляд на Цетру.

— Ты издеваешься, — констатировал он.

— Ах да. Прости. Я как-то не подумала о масштабах. Ты не мог бы... ну...

— Уменьшиться? Стать размером с твой дурацкий домик? Нет, не мог бы. Превращение — это сложный процесс, и я не собираюсь тратить его на экскурсию по твоему огороду.

— Тогда я вынесу один горшок. Подожди здесь. И, пожалуйста, не подглядывай в окно. Это нервирует.

— Я — дракон. Мы не подглядываем. Мы величественно наблюдаем.

— Наблюдай величественно в другую сторону.

Она нырнула в теплицу, чувствуя, как губы сами собой расползаются в улыбке. Спорить с Кербером было... весело. Она не ожидала, что дракон может быть веселым. В сказках они были либо страшными, либо мудрыми, либо злобно-коварными. Никто не писал о драконах, которые подкрадываются к теплицам и называют людей жуками-навозниками.

Теплица встретила ее знакомым теплом и светом. Аметистовое Пламя росло на трех длинных стеллажах — двадцать четыре горшка, в каждом по ростку, и только один, самый первый, цвел в полную силу. Она взяла именно его — осторожно, обеими руками, как берут спящего ребенка. Цветок качнул фиолетовыми лепестками, и по ним пробежала волна света — медленная, ритмичная, как дыхание.

Когда она вышла, Кербер все еще смотрел в другую сторону. Честно смотрел. Только кончик хвоста нервно подрагивал, выдавая нетерпение.

— Можешь повернуться.

Он повернулся. И замер.

Зрачки его расширились — медленно, как открывающиеся ворота. Чешуя на загривке встала дыбом, а из груди вырвался низкий, вибрирующий звук — не рык, не стон, а что-то среднее, что-то, чего Цетра никогда не слышала.

— Этого не может быть, — прошептал он. Голос изменился — исчез сарказм, исчезла ленивая насмешливость. Осталось только потрясение. — Этого просто не может быть.

— Ты знаешь, что это? — спросила Цетра, хотя уже догадывалась по его реакции.

Кербер наклонил голову — медленно, почти благоговейно, — и приблизил нос к цветку. Огромная драконья морда, способная разорвать быка пополам, замерла в дюйме от хрупких светящихся лепестков. От его дыхания цветок качнулся, но не погас — наоборот, засветился ярче, будто отвечая.

— Звездный Цветок, — произнес он. Слова прозвучали странно, будто он пробовал на вкус что-то давно забытое. — На нашем языке — Аэрис-Индиго. Он рос только в кратерах

спящих вулканов, тысячи лет назад. Целые поля таких цветов покрывали склоны гор, и по ночам они светились так ярко, что можно было читать... если бы драконы умели читать.

— И что они делают? Зачем они нужны?

Кербер выпрямился и посмотрел на нее — в его глазах все еще плескалось удивление, но теперь к нему примешивалось что-то еще. Настороженность.

— Откуда они у тебя?

Цетра вздохнула.

— Я нашла семена семь лет назад. В пещере, в дальней части долины, там, где лава выжгла все живое. Они лежали в расщелине, в слое древнего пепла. Как будто ждали.

— Сколько их было?

— Сотни. Но проросло двадцать пять. И только одно зацвело по-настоящему. — Она кивнула на горшок в своих руках. — Остальные пока набирают силу.

— Ты посадила их в пепел, — сказал Кербер. Это был не вопрос.

— Да. Я подумала, что если они пролежали в пепле столько лет, им нужна такая же почва. Это было... логично.

— Логично, — повторил он, и в его голосе мелькнула странная интонация. — Ты понимаешь, что эти цветы не росли нигде уже больше пятисот лет? Что мой клан считал их утраченными навсегда? Что даже моя мать, лучшая из Хранительниц, не смогла заставить их прорасти? А ты просто... посадила их в пепел, и они выросли?

— Ну, — Цетра пожала плечами, — может, у твоей матери был неправильный пепел.

Кербер уставился на нее. Потом на цветок. Потом снова на нее.

— Ты невозможна, — сказал он.

— Ты уже говорил.

— Я повторю еще много раз, не сомневайся. — Он снова склонился к цветку, разглядывая светящиеся лепестки. — Звездные Цветы связаны с вулканом. Говорили, что они — его голос. Когда вулкан спокоен, они цветут. Когда он просыпается — увядают. Это был наш способ узнавать настроение горы. Без них Хранитель — как слепой. Приходится полагаться только на дрожь земли и собственное чутье.

— Значит, если они цветут, вулкан спокоен?

— Теоретически. — Кербер нахмурился. — Но это-то и странно. Вулкан неспокоен. Он ворочается, вздыхает, ему снятся дурные сны. Я чувствую это каждой чешуйкой. Цветы должны были увянуть еще неделю назад. А они... — он замолчал.

— Цветут, — закончила Цетра.

— Да. Как будто гора пытается сказать что-то, чего я не понимаю. — Он перевел взгляд на Цетру. — Или говорит не со мной.

— А с кем?

Он не ответил, но его взгляд был достаточно красноречив.

Цетра опустила горшок на плоский камень у входа в теплицу. Ей стало не по себе. Она жила рядом с вулканом семь лет и никогда не думала о нем как о чем-то... разумном. Капризном — да. Опасном — безусловно. Но не разумном. А теперь дракон говорил о нем так, будто гора была живым существом, способным выбирать, с кем разговаривать.

— Допустим, — сказала она медленно, — гора говорит со мной. Что она говорит?

— Я не знаю. — Кербер, кажется, был раздражен собственной беспомощностью. — Я Хранитель тысячу лет, и я впервые не понимаю, что происходит. Это... неприятно.

— Мне казалось, драконы любят быть самыми умными в любой компании.

— Так и есть. Поэтому я и злюсь. — Он фыркнул. — Ты появляешься в моей долине, находишь семена, которые никто не мог прорастить веками, выращиваешь цветы, которые светятся по ночам, и теперь гора, которую я охраняю тысячу лет, возможно, разговаривает с тобой, а не со мной. Что дальше? Ты объявишь себя новой Хранительницей и попросишь меня освободить источник?

— Источник мне не нужен, — усмехнулась Цетра. — Слишком мокро. А вот твоя чешуя — очень даже. Кстати, о чешуе: ты обещал расплачиваться за мазь и чесание.

— Я не обещал. Ты поставила меня перед фактом.

— И ты согласился.

Кербер прищурился.

— Ты торгуешься, как старая рыночная торговка.

— А ты ноешь, как старый дед, у которого болят колени перед дождем.

— У меня нет коленей!

— У тебя есть что-то, что ты подворачиваешь, когда ползаешь по долине и застреваешь в расщелинах.

Кербер открыл пасть, чтобы возразить, но передумал. Вместо этого он издал звук, похожий на смешок, и снова уставился на цветок.

— Ты действительно ничего не знаешь о них? — спросил он через минуту. — О Звездных Цветах? О том, зачем они нужны?

— Я знаю только то, что вижу. Они светятся. Они пахнут пеплом. Им нужна горячая вода из источника — я проложила желоб от Старого Котла, чтобы поливать их. И они не любят прямого солнца — лепестки вянут. Поэтому я держу их в теплице, за слюдяными пластинами. Свет рассеивается, и им комфортно.

— Ты проложила желоб от моего источника? — переспросил Кербер. — К Старому Котлу? Без разрешения?

— Ты там поселился всего несколько дней назад. А желоб я проложила три года назад. Так что технически это ты занял мой источник.

— Твой... — он задохнулся от возмущения. — ТВОЙ источник?! Старый Котел принадлежит драконам! Он был нашим задолго до того, как люди вообще научились разводить огонь!

— Да? А табличка где? Где написано «Собственность драконов, не занимать»?

— ТАБЛИЧКА?!

— Ну да. Люди обычно вешают таблички, когда хотят что-то объявить своим.

Кербер уставился на нее с таким выражением, будто решал, испепелить ее на месте или просто закопать в ближайшую грязевую яму.

— Ты, — сказал он медленно, — самое невыносимое существо, которое я когда-либо встречал. А я живу тысячу лет.

— Значит, я уникальна. Это комплимент?

— Это диагноз.

Цетра улыбнулась — широко, открыто, совершенно не смущаясь его гневом.

— Ладно, не кипятись. Источник твой. Я просто беру немного воды для цветов. В конце концов, это и в твоих интересах тоже.

— В моих интересах?

— Если Звездные Цветы действительно помогают понимать вулкан, тебе выгодно, чтобы они продолжали расти. А для этого им нужна горячая вода. Так что, — она развела руками, — мы в одной лодке, Кербер Цезий. Нравится тебе это или нет.

Кербер долго смотрел на нее. Потом перевел взгляд на цветок — фиолетовый, мерцающий, живой. Потом снова на нее.

— Ты манипулируешь мной, — сказал он. — Открыто и беззастенчиво.

— Я предпочитаю называть это «аргументированным убеждением».

— Это манипуляция.

— Не будь занудой.

— Я не зануда. Я реалист. И я еще не решил, можно ли тебе доверять, Цетра Аметист.

Она пожала плечами.

— А я и не прошу доверия. Я просто прошу не разрушать мою теплицу и не воровать мою воду. Это разумные просьбы.

— ТВОЮ воду?!

— Нашу воду, — поправились она с улыбкой, которая ясно давала понять: она ни капли не раскаивается.

Кербер вздохнул — длинно, с присвистом, выпуская струйку пара.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Цветы остаются. Вода — общая. Но я хочу быть в курсе всего, что с ними происходит. Если они изменят цвет, если перестанут светиться, если хотя бы один лепесток увянет — ты приходишь ко мне немедленно. Поняла?

— Поняла. — Цетра наклонила голову, разглядывая его. — Ты беспокоишься. Не о цветах — о горе.

— Я Хранитель. Это моя работа.

— И давно ты один на этой работе?

Кербер промолчал. Его взгляд скользнул к вулкану на горизонте — темному, массивному, укутанному в облака, — и в этом взгляде было что-то тяжелое. Что-то, что Цетра не могла расшифровать.

— Давно, — сказал он наконец. — Очень давно.

Она хотела спросить еще что-то, но земля вдруг дрогнула — легонько, едва заметно, как вздох во сне. Цветок в горшке качнулся, и один лепесток опал, закружившись в воздухе, как крошечный фиолетовый факел. Цетра поймала его на ладонь. Лепесток был теплым и пах пеплом.

Кербер и Цетра переглянулись.

— Это что-то значит? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он, и в его голосе прозвучала тревога. — Но мне это не нравится.

Глава 4. Легенды и правда

Вечер опустился на долину, как тяжелое одеяло — темное, влажное, пахнущее серой и мокрым камнем. Гейзеры светились в сумерках бледными столбами пара, подсвеченными последними лучами заходящего солнца. Где-то далеко, на северном склоне, глухо ухнула грязевая яма — будто земля икнула после сытного ужина.

Цетра развела костер на безопасном расстоянии от Старого Котла — достаточно близко, чтобы слышать дракона, и достаточно далеко, чтобы не задохнуться от серных испарений. Она натаскала плоских камней, соорудила подобие сиденья и теперь ворошила угли длинной палкой, наслаждаясь теплом. Ночи в долине были холодными, даже летом, и огонь был единственным, что спасало от промозглой сырости.

Кербер лежал в воде, положив голову на край источника, и смотрел на огонь. В отблесках пламени его чешуя переливалась глубокими оттенками синего — от почти черного индиго до яркого сапфира там, где свет падал прямо. Выглядел он так, будто позирует для картины. «Дракон у воды». Или «Хранитель размышляет о вечном». Или «Я слишком красив, чтобы со мной спорить».

Цетра не купилась на это ни на секунду.

— Ты принесла цветок? — спросил он вместо приветствия.

— Нет. — Цетра устроилась поудобнее, поджав ноги. — Он остался в теплице. После того как лепесток отпал, я решила за ним понаблюдать. Не хочу таскать его туда-сюда.

— Правильно. — Кербер, кажется, одобрил. — Звездные Цветы не любят, когда их тревожат. Они... чувствительные.

— Ты говоришь о них, как о живых существах.

— Потому что они живые. — Он покосился на нее. — Ты растишь их семь лет и не заметила?

Цетра задумалась. Она всегда знала, что Аметистовое Пламя — не обычные цветы. Они светились. Они реагировали на погоду, на фазы луны, на ее настроение иногда. Но она никогда не называла это «живым» в том смысле, который имел в виду Кербер.

— Я заметила, что они... отзывчивые, — сказала она осторожно. — Когда я болела два года назад, они почти погасли. Все разом. А когда мне полегчало — снова засветились. Я думала, это совпадение.

— Не совпадение. — Кербер прикрыл глаза. — Звездные Цветы связаны с тем, кто их выращивает. И с горой, на которой растут. Это тройная связь: цветок, садовник, вулкан. Если один страдает — страдают все.

Цетра отложила палку и посмотрела на него.

— Поэтому лепесток упал? Кто-то страдает?

Кербер долго молчал. Пламя костра отражалось в его зрачках, и от этого казалось, что внутри драконьих глаз танцуют золотые искры.

— Вулкан, — сказал он наконец. — Ему больно. Я чувствую это уже несколько дней, но не мог понять причину. А теперь цветок подтвердил.

— Что ему больно? Почему?

— Я не знаю. — В его голосе прозвучала досада. — Я должен знать. Я Хранитель. Но гора... она закрылась от меня. Как будто не хочет говорить. Или не может.

Он помолчал, а потом добавил — тихо, будто самому себе:

— И это пугает меня больше, чем что-либо за последние триста лет.

Цетра подбросила ветку в костер. Искры взметнулись вверх, смешиваясь с паром гейзеров.

— Ты сказал, что расскажешь мне о драконах, — напонила она. — О том, какие вы на самом деле. Не легенды. Правду.

Кербер приоткрыл один глаз.

— Ты хорошо меняешь тему.

— Я заметила, что тебе становится легче, когда ты ворчишь на мои вопросы. Так что считай это благотворительностью.

— Ты — благотворительность для драконов? Звучит как название очень плохой пьесы.

— Ты уходишь от ответа.

— А ты настырная.

— Я знаю. — Цетра улыбнулась. — Давай, Кербер. Расскажи мне что-нибудь. Что-нибудь, чего нет в сказках.

Он вздохнул — длинно, с присвистом, и струйка пара вырвалась из его ноздрей.

— Хорошо. Но потом ты ответишь на мой вопрос. Это честный обмен.

— Какой вопрос?

— Я задам его, когда придет время. А пока... — он устроился поудобнее, положив морду на скрещенные лапы. — Спрашивай.

Цетра на мгновение задумалась, перебирая в уме все, что слышала о драконах с детства.

— Почему ты не выдыхаешь пламя? — спросила она. — В легендах драконы жгут деревни и похищают принцесс. Ты не жжешь, не похищаешь, даже рычишь как-то неубедительно.

Кербер издал звук, похожий на смешок.

— Во-первых, похищать принцесс — это клише. Нам, драконам, стыдно за тех идиотов, которые это начали. Во-вторых, жечь деревни — просто глупо. Там дым, крики, суета. Люди бегают, орут, тычут копьями. Это утомительно. Я предпочитаю спокойствие.

— Спокойствие? Ты? Тот, кто приполз через полдолины, чтобы заглянуть в мою теплицу, потому что я опоздала на час?

— Это было не любопытство. Это был... профилактический осмотр территории.

— Профилактический осмотр. Через полдолины. С больной спиной.

— У меня не болела спина! У меня линька. Это разные вещи.

Цетра усмехнулась, но настаивать не стала.

— А пламя? — напомнила она. — Ты вообще умеешь?

Кербер снова вздохнул — на этот раз с явным раздражением, как учитель, которому попался особо непонятливый ученик.

— Умею. Драконье пламя — это не просто огонь. Это часть нас. Оно связано с чешуей, с дыханием, с сердцем. Когда дракон в полной силе, он может выдохнуть струю пламени, которая плавит камень. Может поджечь лес, если захочет. Может... поджарить овцу в полете. Хотя это дурной тон — еда должна быть свежей.

— А сейчас?

— Сейчас — нет. — Кербер поморщился. — Во время линьки огонь нестабилен. Я могу либо поджечь полдолины, либо чихнуть искрами, как мокрый факел. Ни то, ни другое меня не устраивает. Я не хочу случайно спалить твою дурацкую теплицу и остаться без цветов.

— Моя теплица — единственная причина, по которой ты сдерживаешься?

— Единственная.

— Тронута. — Цетра помешала палкой угли, пряча улыбку. — А как насчет сокровищ? В легендах драконы спят на золоте. У тебя есть золотая куча где-нибудь в пещере?

— О, это, — Кербер фыркнул, и из его ноздрей вырвались две идеально ровные струйки пара. — Еще одно недоразумение, которое люди придумали, потому что им скучно. Мы не собираем золото. Мы собираем интересные вещи. Предметы с историей.

— Что значит «с историей»?

— Вещи, которые что-то значат. Которые хранят воспоминания о своих владельцах. Не просто золото ради золота — это скучно. Моя прабабка, например, коллекционировала ложки. У нее была тысяча ложек со всего мира. Деревянные, серебряные, костяные, даже одна каменная — из обсидиана, ей подарили вулканологи с южного архипелага.

— Ложки? — Цетра не поверила своим ушам. — Тысяча ложек?

— Да. Она говорила, что каждая ложка хранит вкус еды, которую ею ели. Суп бедняка, похлебку солдата, десерт короля. Она могла взять ложку в лапы и рассказать тебе всю историю человека, который ею владел. — Кербер мечтательно прикрыл глаза. — У нее была ложка одного императора. Он ел ею рисовый пудинг в день своей коронации. И в день своей казни — тоже. Прабабка говорила, что эта ложка знает о нем больше, чем все летописи вместе взятые.

Цетра представила огромного дракона, который держит в лапах крошечную серебряную ложечку и рассказывает историю императора, и невольно рассмеялась.

— А твой дядя?

— Дядя собирал ракушки. — Кербер закатил глаза. — Всю жизнь. Представь себе: огромный самец, чешуя — как грозовое небо, размах крыльев — сорок метров, и он летит через океан, чтобы найти ракушку с розовым отливом. Семья считала его позором. Отец не разговаривал с ним лет пятьдесят после того, как он пропустил Совет Кланов из-за того, что на южном побережье нашли редкую спиральную раковину.

— И он ее нашел?

— Нашел. Хранил в специальной пещере. Там было три тысячи ракушек, рассортированных по цвету и форме. Когда он умер, его коллекцию передали в клановую сокровищницу. Молодые драконы до сих пор ходят туда на экскурсии и смеются.

Цетра расхохоталась — искренне, от души, впервые за долгое время. Она попыталась представить драконью сокровищницу — не с золотом и самоцветами, а с ложками и ракушками, — и у нее не получилось. Это было слишком абсурдно. Слишком... по-человечески.

— Я хочу познакомиться с твоей семьей, — сказала она, все еще улыбаясь. — Судя по твоим рассказам, вы — самое странное семейство в мире.

Улыбка Кербера погасла. Он отвел взгляд от костра и уставился на темный силуэт вулкана, который едва угадывался на фоне звездного неба.

— Не хочешь, — сказал он. — Мой клан... они не любят людей. У них есть причины.

Цетра перестала улыбаться.

— Какие?

Он долго молчал. Так долго, что она уже подумала — не ответит. Костер потрескивал, гейзеры шипели, вулкан дышал где-то вдалеке.

— Люди охотились на нас, — сказал он наконец. Голос его стал глуше, будто каждое слово приходилось вытаскивать из-под слоя пепла. — Несколько веков назад. Когда в эти земли пришли первые поселенцы. Они искали золото, серебро, драгоценные камни. А нашли нас.

— И что произошло?

— Они быстро поняли, что драконья чешуя ценнее любого золота. Прочнее стали, легче шелка, магическая — в каждой пластине хранится частица нашей силы. За одну пластину можно было купить замок. За десять — целое графство. И началась охота.

Цетра слушала, не перебивая. Она знала легенды об охотниках на драконов — в деревне рассказывали страшные сказки на ночь, чтобы дети не убежали в горы. Но она всегда думала, что это просто сказки.

— Нас убивали, — продолжал Кербер. — Выслеживали, загоняли в ловушки, били копьями в глаза и в сочленения — туда, где чешуя тоньше. Драконья броня прочна, но у всего есть слабые места. Они научились их находить.

— И что сделали драконы?

— Драконы... — он усмехнулся невесело. — Драконы умеют только одно — выживать. Мы не воины, что бы там ни говорили легенды. Мы хранители, наблюдатели, собиратели ракушек и ложек. Мы не созданы для войны. Когда стало ясно, что люди не остановятся, Совет Кланов принял решение уйти. На север, в Ледяные Пики. Туда, где люди не живут, потому что слишком холодно. Там мы могли спрятаться. Выжить. Сохранить то, что осталось.

— Но ты остался.

— Я остался, потому что кто-то должен был присматривать за горой. — Он перевел взгляд на Цетру, и в его глазах плясали отблески костра. — Хранителя нельзя убить, не разбудив вулкан. Когда люди это поняли, они оставили меня в покое. Я стал... неприкосновенным. Один в целой долине. Один в целом мире.

Цетра подбросила ветку в костер. Пламя взметнулось выше, осветив ее лицо.

— Мне жаль, — сказала она тихо.

— Не надо жалеть. — Кербер опустил голову на лапы. — Это было давно. Сейчас важнее другое.

— Что?

— Твои цветы. — Он посмотрел на нее в упор. — Если Аметистовое Пламя вернулось, если оно цветет после пятисот лет забвения — это не случайность. Это знак. И он может означать только одно.

Цетра выдержала его взгляд.

— Что вулкан просыпается, — сказала она.

— Да. — Кербер прикрыл глаза. — Вулкан просыпается. И нам нужно понять, почему. И как его остановить. Потому что если он проснется по-настоящему...

— Что тогда?

— Тогда от этой долины не останется ничего. И от меня — тоже. — Он открыл глаза, и в них не было ни страха, ни бравады — только спокойная, тяжелая уверенность. — Хранитель связан с горой. Если гора умрет, умру и я. Так было всегда.

Цетра долго молчала, переваривая услышанное. Костер догорал, угли подернулись пеплом, а звезды над головой стали ярче — холодные, равнодушные, далекие.

— Значит, — сказала она наконец, — мы оба заинтересованы в том, чтобы вулкан не проснулся. У меня теплица. У тебя жизнь.

— Примерно так. — Кербер издал звук, похожий на смешок, но совсем не веселый. — Никогда не думал, что окажусь в одной лодке с человеком. И тем более — с травницей, которая дерет с меня чешую за каждую услугу.

— Это не услуги. Это плата за консультацию. Мы договаривались.

— Мы ни о чем не договаривались. Ты просто брала чешую, а я был слишком слаб, чтобы спорить.

— И сейчас ты слишком слаб, чтобы спорить. — Цетра усмехнулась. — Так что не трать силы. Лучше расскажи мне еще что-нибудь. Что-нибудь, что поможет понять, что происходит с горой.

Кербер задумался.

— Был один случай, — начал он. — Лет триста назад. Вулкан тоже был беспокоен — дрожал, вздыхал, выбрасывал пепел. Я думал, что это конец. Что гора решила проснуться и уничтожить все.

— И что ты сделал?

— Ничего. Я просто... слушал. День за днем, ночь за ночью. Я прижимался к склону и слушал сердце горы. И в конце концов я понял — ей было не больно. Ей было одиноко. Она звала своих детей — драконов, которые ушли на север. Звала, а они не отвечали.

Цетра посмотрела на темный силуэт вулкана.

— И что случилось потом?

— Я запел, — сказал Кербер. — Так, как пела моя мать. Старые драконьи песни, которые никто не слышал уже сотни лет. Я пел три дня и три ночи, пока не сорвал голос. А потом... гора успокоилась. Она поняла, что не одна. Что хотя бы один дракон остался.

— Ты умеешь петь?

— Умею. Но сейчас не буду. У меня линька, и голос тоже не в порядке. Я буду звучать как больной осел.

Цетра фыркнула.

— Жаль. Я бы послушала пение дракона.

— Может быть, когда-нибудь. Если заслужишь.

— А что, есть какие-то критерии? Нужно собрать определенное количество чешуи? Связать тебе новые штаны?

— Штаны?! — Кербер поперхнулся паром. — Я не ношу штаны! Я дракон!

— Пока не носишь. Но если ты вдруг решишь превратиться в человека, штаны тебе понадобятся. Я предупреждала.

— Я не превращаюсь в человека!

— Совсем-совсем?

— Вообще. Никогда. Ни за что. — Он фыркнул. — Это... это сложно. И унижительно. И требует огромных затрат энергии. И вообще, человеческая форма — это... — он замаялся, подбирая слово, — неудобно. Все эти руки, ноги, отсутствие хвоста. Как вы вообще удерживаете равновесие?

— Привычка. — Цетра пожала плечами. — Мы, люди, рождаемся без хвостов и как-то справляемся.

— Вы странные существа.

— Мы странные? Это вы собираете ложки и поете вулкану колыбельные!

— Ложки собирала моя прабабка. А колыбельные пою только я. И только вулкану. Это разные вещи.

— Конечно. — Цетра поднялась и отряхнула плащ. — Ладно, Хранитель. Уже поздно. Мне нужно проверить теплицу перед сном и посмотреть, не упало ли еще что-нибудь с цветка. А тебе нужно отдыхать. Завтра приду снова — с мазью и палкой. Если будешь хорошо себя вести.

— Я всегда хорошо себя веду. Это ты меня провоцируешь.

— Я тебя не провоцирую. Я веду с тобой конструктивный диалог.

— Ты дерзишь мне, — поправил он. — Постоянно. Нагло. Без всякого уважения к моему возрасту и статусу.

— Тебе тысяча лет. Если бы я уважала тебя за возраст, ты бы заскучал через день. А так — весело.

Кербер помолчал. А потом издал тот самый звук — низкий, рокочущий, похожий на смех.

— Ты невозможна, — сказал он.

— Ты уже говорил. — Цетра забросала костер землей и подхватила корзину. — Спокойной ночи, Кербер Цезий.

— Спокойной ночи, Цетра Аметист.

Она пошла по тропе вверх, к хижине. Спину снова грел драконий взгляд — но теперь он был не настороженным, не подозрительным, а... задумчивым. Как будто дракон пытался решить какую-то сложную задачу, и ответ ему не нравился.

Уже у самого поворота ее догнал его голос:

— Цетра.

— Да?

— Завтра. Постарайся не опаздывать. У меня все еще чешется загривок.

Она улыбнулась в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.